

Российская Академия Наук
Институт философии

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЭКОЛОГИЯ
Часть I

УДК 301
ББК 60.55
М 74

Общая научная редакция
доктор филос. наук *И.К.Лисеев*

Ответственный редактор ч. I
доктор филос. наук *О.Е.Баксанский*

М 54 **Модернизация общества и экология. Ч. I. — М. — 244 с.**

Основной предмет изучения — анализ специфики современных экологических ориентаций познания, моделирующих указанные когнитивные репрезентации. В качестве основополагающих принципов последних рассматриваются коэволюция как концепция кооперативного сосуществования различных форм жизни, но не их конкуренции; экология как концепция взаимодействия объекта и окружающей его среды; синергетика как концепция самоорганизации биологических форм; холотропизм как концепция целостности и системности жизни; эволюционная теория познания как концепция описания и объяснения когнитивных процессов. Значительное внимание уделяется экологическим императивам современной культуры, напрямую связанной с прогрессом общественного развития.

Настоящая книга будет интересна философам, социологам, экологам, специалистам, занимающимся анализом методологических аспектов научной и обыденной моделей мира, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-458-74656-4

© ИФ РАН, 2006

Введение

Современный экологический кризис является фактически кризисом культуры и цивилизации, и он может быть преодолен только на основе формирования коэволюционного планетарного сознания, признания собственной ответственности каждого как за судьбу планеты, так и за будущее собственных потомков. Настоящий кризис свидетельствует об исчерпании прогностических резервов существующих представлений, и выход возможен на пути построения, прежде всего, новых когнитивных репрезентаций, включающих в себя иные ценностно-нормативные отношения, позволяющие преодолеть противопоставление человечества и биосферы. Культура на определенном этапе своего развития привела к глобальным проблемам, когда был поставлен вопрос о самой возможности дальнейшего существования человечества, но культура в состоянии найти и путь решения этих проблем.

Начиная со времени утверждения теории Ч. Дарвина, идея эволюции постепенно прошла путь от одной из концепций биологии до общенаучного представления, которое приобрело парадигмальное значение, заняв прочные и устойчивые позиции как в науке так и в обыденных репрезентациях мира. Основное внимание изначально уделялось эволюции определенных объектов самих по себе, но по мере рассмотрения развития Вселенной, всего материального мира, составляющих его различных физических систем, биологических объектов (с молекулярного до популяционного уровней), а также объектов социального мира (культурных, семиотических, лингвистических образований) все более очевидным стала необходимость принятия в рассмотрение сопутствующей эволюции всех элементов, которые присутствуют в окружающей среде и оказывают воздействие на тот или иной эволюционирующий объект.

Взаимопроникновение биологического и социального, их сопряженность и взаимодополнительность в самых значительных масштабах репрезентируют коэволюционные представления.

Тем самым, для адекватного описания окружающего мира, поведения и мышления человека оказалось необходимым перейти от эволюционных к коэволюционным представлениям. С одной стороны, в таком подходе нет ничего неожиданного, так как представление о взаимосвязи и взаимозависимости всех существующих объектов материального мира давно стало одной из тех идей, которые обеспечивают глобальную (или фрагментарную структурированность отдельных фрагментов) репрезентаций мира, но, с другой стороны,

от чистого декларирования до непротиворечивого включения определенного представления в научную и обыденную когнитивную модели мира проходит немалое время, что необходимо для формирования необходимых репрезентаций, обеспеченных информацией и выработкой необходимых новых мировоззренческих установок с присущей им гносеолого-онтологической матрицей, включающей в себя новые познавательные аксиологические идеалы.

Этот процесс довольно длительный и не безболезненный, ибо старые представления, ставшие привычными и обоснованными, кажутся проверенными и зарекомендовавшими себя своим соответствием действительности, поэтому и человек, и социум с большим нежеланием с ними расстаются, в то время как новые представления еще нуждаются в обосновании и возникновении уверенности в них с точки зрения их адекватности.

Козэволюционные представления, сформированные на базе эволюционных, обладают большим мировоззренческим потенциалом, так как на их основе удастся построить противоречивые когнитивные репрезентации, охватывающие различные элементы мира, осмыслить результаты антропогенного воздействия на природу, объяснить и понять негативные последствия деятельности человека, преодолеть разрыв между эволюционистским подходом к природе и к социуму, а также построить новые прогностические гипотезы о путях сопряженной эволюции природы, человека и социума. Кроме того, коэволюционные представления позволяют отойти от бездумного использования природных ресурсов и содействуют созданию динамического равновесия общества и природы, что является насущной необходимостью перед лицом глобальных проблем, вставших перед цивилизацией.

Анализ коэволюционных представлений позволяет подойти к вычлениению коэволюционных паттернов как совокупности коэволюционных взаимоотношений между различными объектами в окружающем мире. Наиболее общими и важными на современном этапе являются следующие коэволюционные паттерны: «человек-природа», «социум-природа», «человечество-биосфера». Когнитивными репрезентациями последних являются такие экологические представления, как экология человека, социальная экология, глобальная экология, занимающие все более существенное место в современных научных и обыденных репрезентациях мира, так как они требуют полностью изменить потребительский стиль отношения человека и общества к окружающему миру, что необходимо для самого факта сохранения цивилизации, которой угрожает уже не столько ядерное уничтожение,

как об этом говорилось менее десятилетия назад, сколько индустриально-промышленный рост, осуществляемый с полным игнорированием природных ресурсов самовосстановления и самоорганизации. Парадоксальное противоречие «ноосфера-биосфера» поставило человечество перед лицом глобальных проблем, фиксирующих угрозу самому существованию цивилизации и настоятельно требующих поиска путей, средств и способов незамедлительного разрешения.

Ясное осознание этого факта постепенно (хотя и очень медленно) приводит к принципиальному изменению как научных, так и социальных представлений, что является необходимым условием формирования адекватных выживанию цивилизации паттернов экологичного мышления и поведения людей. С другой стороны, возникновение глобальных проблем свидетельствует о том, к каким последствиям могут приводить неадекватные когнитивные репрезентации реальности.

Сутью человеческих проблем остается неадекватное мышление, и единственный его исправления состоит в нахождении экологичных образцов мышления. Но не для пустого подражания, а для дальнейшего развития и совершенствования самого себя как неотъемлемой части окружающего нас мира для достижения состояния системной гармонии.

Именно в этих целях и оказывается плодотворен экологический подход в решении задач, стоящих перед наукой, которые являются одновременно мультидисциплинарными, трансдисциплинарными и междисциплинарными.

Если междисциплинарность обычно связывается с созданием новой науки, то последняя должна обладать признаками новизны в области как предмета, так и теории и метода. В то же время это условие необходимое, но не достаточное. Междисциплинарность предполагает сочетание разных наук как своего источника.

Мультидисциплинарность — это многостороннее (средствами разных наук) исследование одного объекта, при выделении в нем разных **предметов** анализа. Данный подход характеризуется **аддитивностью** наук, входящих в соответствующий комплекс, объединенных преимущественно объектом анализа.

Трансдисциплинарность заключается в ситуации, когда использование одних и тех же методов приводит к установлению **изоморфности** разных объектов. В этом случае входящие в комплекс науки объединены преимущественно методами исследования, примером чего является теория сложных систем в ее приложении к разным объектам — сложные системы в неживой природе, включая искусственные, в живой природе, обществе.

Синтез приводит к новому качеству. В качестве классических примеров можно указать экологию и кибернетику. Отправляясь от «биологических истоков» второй половины XIX века, когда Э.Геккель впервые выделил экологию в качестве особой сферы, вбирая в свой арсенал представления химии, физики и других дисциплин, экология пришла к статусу относительно автономной науки, изучающей системы «живое вещество — среды различного типа». Сведение экологической проблематики к комплексу биологических, химических и прочих вопросов едва ли возможно. Аналогично кибернетика, опираясь на фактически открытое понятие информации и интегрируя важнейшие положения логики, математики и иных дисциплин, стала, бесспорно, самостоятельной наукой, несводимой к комплексу отдельных дисциплин.

Материал данной книги разбит на три части.

В первой — «Философский дискурс проблемы» основное внимание авторов сосредоточено на рефлексии и анализа всего комплекса проблем, связанного с модернизацией общества в контексте экологической проблематики. Б.И.Козлов рассматривает философские основания постиндустриальной модернизации общества, в то время как А.Б.Вебер сосредотачивается на проблеме устойчивого развития. Статья В.Г.Федотовой посвящена экологическим проблемам, возникающим на путях глобализации, а И.К.Лисеев рассматривает специфические особенности российского общества с точки зрения декларирования цивилизационно-экологических ориентиров. В близком ключе представлена и работа В.А.Кутырева, который анализирует направления модернизации России — с точки зрения соотношения открытости и устойчивости социальных процессов.

Вторая часть книги «Специфика и реалии» посвящена более детальному и основательному анализу тем вопросов и сложностей, которые возникают в процессе модернизации общества. В своей работа А.Г.Ганжи исследует модернизацию как высшую фазу в демографо-экологическом цикле общественного развития. В поле зрения В.Е.Борейко оказывается рассмотрение прав природы, о чем обычно мало задумываются не только политики, но и многие исследователи. Эту же тему продолжает и А.Ю.Кузьминов, обсуждая практику построения экологического правового образования в Новой Зеландии. А.В.Олескин рассматривает проблему в достаточно широком аспекте биополитического подхода к экологии как сетевой структуре. Аксиологическая проблематика является центральной в работе А.Т.Шаталова и Г.И.Мяндиной.

Если в первых двух частях книги внимание в основном сосредоточено на теоретическом аспекте проблемы соотношения модернизации общества и экологически, то в третьей части – «Практические подходы к решению проблемы» даются практические рекомендации по решению насущных вопросов, связанных с экологической тематикой. В частности, А.В.Панкратов и Л.В.Фесенкова ставят вопрос о необходимости выработки новой научной парадигмы в контексте осознания понимания жизни. Работа О.Е.Баксанского и Е.Н.Кучер внимание сосредоточено на анализе когнитивных репрезентаций современной когнитивной картины мира, на систематизации комплекса социальных представлений, составляющих структуру современного мировоззрения и социально конструирующих окружающую нас реальность. Оригинальный подход предлагает Ю.В.Хен, которая ищет пути выхода из экологического кризиса на путях евристической модернизации общества. Информационная интервенция и существующая глобальная информационная среда и их негативное влияние на экологию человека являются предметом обсуждения в работе Е.В.Петровой. А.В.Каверин поднимает такой стратегически важный вопрос как экологизация сельского хозяйства России, анализ перспектив на будущее.

Конечно, в одной книге невозможно охватить все аспекты столь глобальной проблемы, однако представленные исследования позволяют очертить широкий круг проблем и зафиксировать внимание на необходимости их решения. Планируется продолжение настоящей книги, поэтому мы приглашаем всех заинтересованных читателей к обсуждению и плодотворному сотрудничеству в рамках обозначенной проблематики обсуждения.

Баксанский О.Е.

О философских основаниях постиндустриальной модернизации общества

Под модернизацией общества обычно понимают существенную корректировку его ценностной ориентации, целей и типа социокультурного и хозяйственного развития, изменение организации деятельности и адаптацию наработанных в прошлом норм жизни к новым историческим условиям. В рассматриваемом случае эти условия определены переходом современного общества из индустриальной эпохи в новую фазу исторического развития. В технико-технологическом пространстве данный переход характеризуется завершением периода экстенсивного развития крупной машинной промышленности и становлением нового уклада, базой которого являются «высокие» технологии и интенсивное производство наукоемкой продукции, определяющие новейшие естественнонаучные и научно-технические знания о глубинных свойствах вещества, энергии и информации. Эти изменения привели, как и ожидалось, к быстрому росту общественных производительных сил. Но они же породили непредвиденную парадоксальную ситуацию в системе отношений человек — природа. Человек, казалось бы, достигший вершины технологического могущества и полной власти над Землей, оказался сввергнутым в катастрофически развертывающийся техногенный экологический кризис. Непосредственная причина этого — «подогреваемая» рынком индустриальная переработка естественных ресурсов в искусственные продукты, которая в XX в. стала сопоставимой по воздействию на биосферу с протекающими в ней природными процессами. В данной статье предпринята попытка рассмотреть сложившуюся ситуацию как следствие стратегии ограниченной модернизации, охватившей и значительно усилившей технико-технологическую компоненту развития

индустриального (потребительского) общества в отрыве от его природных и духовных факторов. Автор исходит из гипотезы, что данный методологический просчет стал результатом недостаточного, а во многом и неадекватного уяснения предельно общих оснований отношения человека и природы.

С зарождения греко-римской цивилизации, ставшей колыбелью европейской культуры, до наших дней прометеява миссия Человека-прогрессора, призванного овладеть всей Природой, упорядочить ее хаотическое бытие и полностью подчинить его собственным интересам и целям, практически не подвергалась сомнению. Предназначение человека стать Царем Природы было освящено Библией. Укорененная в Возрождении и эпохе Просвещения идея противостоящего природе научного и технического прогресса как безусловного блага получила всеобщее признание и была положена в основу развития различных форм западноевропейской культуры XIX века. «Власть над Землей» была провозглашена целью и смыслом цивилизационного процесса. С позиций рационализма и цивилизационный процесс, и смена социально-экономических формаций рассматривались как поток истории человечества, протекающий в русле «окружающей среды». Сама же окружающая среда, как правило, не попадала в предметное поле историков общества. Она изучалась главным образом методами естествознания как множество сложных, но разрозненных феноменов¹. Одним из первых естествоиспытателей, осознавших глобальные масштабы и последствия технико-технологической природообразующей деятельности человека, стал В.И.Вернадский. Выдвинутая им гипотеза о предстоящем переходе биосферы Земли в новое состояние — полностью управляемую Разумом (то есть искусственную) ноосферу, оценивалась им самим как оптимистическое по пафосу и устремлениям учение о лучшем будущем человечества.

Концепции, противопоставляющие человека и создаваемую им технику природе, превалируют в философии техники и сегодня. «По причинам и истокам своего возникновения техника — противоположность природы, она противопоставлена природе и поэтому является ее антиподом», — пишет известный современный исследователь Гюнтер Рополь². С этим можно было бы согласиться, если оценивать технику только по этим двум критериям. Но как быть с ее субстратом — материалом, то есть целесообразно преобразованными в нее естественными (природными) веществом и энергией, опредмеченными в ней продуктами духовной деятельности, результатами работы человеческого сознания? С последним Рополь поступает так же, как и с техникой: «...сознание обладает столь ярким специфическим качест-

вом... что я бы не стал подчинять его природе»³. Но если и оно, и техника, и человек — *не* природа, то что они такое? И что такое тогда *природа*? Если исключить человека, его сознание и созданную им технику из ряда порожденных эволюционирующей природой явлений и сущностей, надо признать, по меньшей мере, существование еще одной — *другой* — природы, которой они принадлежат. Так, как будто бы, и следует из специфики социальных форм развития материи. Но специфика частного не отменяет его принадлежность общему; признание относительной самостоятельности элемента и операции с ним в этом качестве не лишают его системных свойств, от которых лишь временно может абстрагироваться оператор. Короче говоря, рабочее поле для дефиниций человека, его сознания и техники как антиподов природы, хотя и существует, но весьма ограничено по площади. Однако такая трактовка отношения человека и природы часто абсолютизируется и используется за пределами специального анализа, в границах которого только и действенна.

Как исторические корни, так и крах концепций господства человека над природой (или несколько позже возникших, мало что меняющих, представлений о внутрисистемной равноположенности человека, техники и природы) сегодня очевидны. Однако до сих пор не только в массовом сознании, но и в общепринятых методологических основаниях практической природоохранной деятельности сохраняется антропоцентристская общая картина отношений человека и природы. Последняя и ныне трактуется как «окружающая среда», по определению противоположенная человеку. На самом деле в мире наличествует иная, генетически заданная иерархия отношений природа—человек—техника. Она выражает их действительное соотношение, определяемое тем, что и человек, и его сознание, и создаваемая им техника порождены природой. Возникнув на очередной стадии ее эволюции, они развиваются, потребляя и преобразуя природное вещество и энергию в другие, ранее не существовавшие в ней *искусственные* формы.

Первоначальной причиной развития техники, как известно, была борьба антропоидов и человека со стихийными силами Природы за существование. Созданные в индустриальную эпоху производительные силы общества обеспечили практическое решение этой исторической задачи. Но маховик технического прогресса продолжал раскручиваться ради расширенного производства предметов потребления, масштабы которого в XX в. превзошли необходимые и достаточные для дальнейшего безопасного и устойчивого развития человечества.